

жимы бежом и плачась, только в тайне и друг другу втайне глаголаху: «что есть от людей, ко царю вина? За кою вину на людей от царя опала, уготовлены палачи на казнь людям?» И не домысляху вины на людей. И бысть людия в сетованье и в скорби велицей и плачась горько и моляся токма богу. И в полутрия того дни приехав из царских хором сам царь, государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси своими царскими холопи, доброхоты и стрелцы стреманными к тому пожарищному месту и стрелцы нача имать сто князей, сто бояр и сто торговцев больших гостей. И по повелению цареву нача палачи на || плахах казнить с торговцев прежде Людем же всем предстоящим ту с трепетом и страхом одержими, но токмо в тайне слезы изливающе свои, а не смеюще никто же друг ко другу глаголати страха ради царева, но токмо всяк во уме своем держаще: «за кою вину бысть сия казнь?». Палачи же, показня торговцев трицеть семь человек, и взяв восьмаго торговца именем Харитона Алексева Левренского. Харитон же нача вопияти велие гласом ко царю и глаголюще: «за кою вину, царю, возложи гнев свой на нас и проливаешь кровь нашу неповинную? Мы вины на ся не обретаем» ... и много изглаголя ко царю встречныя глаголы з грубостию при смертном часе. || Палач же един не возмогоша его на плаху возложити: противляхуса палачу и добр бе телом и высок возрастом, власы черны, лицем бе страховит. И похватив его шестью палачи и возложиша на плаху, отсекоша главу ему. И глава ж его воспрянув и нача от земли спрядывать, а язык лечуше.²⁹ А труп тела его вскочи на ноги стоя и нача страшно трястися. Палачи же збивая труп с ног его, но никак не возмогоша с ног збити и главы утолти И бысть страшно труп трясущиеся и главы от земли восскачущи Царь же устранился велми. И своими царскими холопи и доброхоты на конех поехав || за Неглинную реку во свои царския хоромы Палачи же не казня стоят и вси людие устрашился велми видя таковое бывшее чудо. И в том же часе от царя из-за Неглинныя реки пригна скорый гонец и изглаголил палачем царское слово: да не казнят ни единого человека — государь пожаловал. И отпустиша всех связанных князей, бояр и достальных торговцев. И славя все бога и пречистую его мать и московских чудотворцев. Труп же той трясущися, на ногах, но сам паде в второй час ночи и бысть мертв. И по повелению цареву погребоша их всех.

Первое, что бросается в глаза при изучении рассматриваемой редакции, — это замена фамилии героя. Харитон Белоуленев превратился теперь в Харитона Алексева Левренского или, надо полагать — в более исправных списках, Лавренского. В таком виде эта фамилия приобретает церковный оттенок, что не случайно.

Отличительная черта этой редакции — ярко выраженный церковный характер. Церковный налет сказался на языке повести. «По пасце» стало теперь «по светлом воскресении христове», схваченный купец «нача вопияти велие гласом». История с казненным купцом рассказана здесь уже как чудо. «И все людие устрашишася велми, видя таковое бывшее чудо . И славя вси бога и пречистую его мать и московских чудотворцев». Последние слова прямо указывают на московское происхождение данной редакции. Вспомним, что и весь сборник ГИМ, № 3996, подобно сборнику ГИМ, собр. Забелина, № 263, не содержит, в отличие от двух предыдущих, никаких признаков новгородского происхождения. В этой редакции

²⁹ Так в рукописи